

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

М. В. ПОРХОМОВСКИЙ

ТУРЕЦКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2014

УДК 811.512
ББК 82.3(3)
П 60

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ РЕШЕНИЕМ УЧЁНОГО СОВЕТА
ИНСТИТУТА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА ОТ 19.12.2013
(ПРОТОКОЛ № 45)

Рецензенты:

заведующий отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН
член-корр. РАН д.ф.н. проф. А. В. Дыбо,
к.ф.н. доцент Ю. Г. Суетина

Порхомовский М. В.

П 60 Турецкие пословицы в языке и речи / М. В. Порхомовский. — М.:
Языки славянской культуры, 2014. — 176 с.
ISBN 978-5-9551-0724-0

В книге впервые в отечественной и мировой тюркологии представлен комплексный лингвистический анализ полного корпуса опубликованных в разное время турецких пословиц — от «Дивана тюркских языков» Махмуда Кашгарского до современных сборников, всего около 6.000 паремий. Это исследование охватывает уровни морфологии и синтаксиса, в работе также используются новейшие разработки в области лингвистики текста. Отдельная глава посвящена анализу лексического состава турецких паремий, результаты которого представляют интерес не только для тюркологов и паремиеологов, но и для специалистов в области традиционной культуры, языковой картины мира, этнолингвистики и др. Монография может заинтересовать также студентов-филологов и всех тех, кто не равнодушен к меткому слову восточных пословиц. В приложении содержится список из 335 турецких пословиц с переводом на русский язык, приведенных в тексте монографии.

ББК 82.3(3)

ISBN 978-5-9551-0724-0

© М. В. Порхомовский, 2014
© Языки славянской культуры, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Обзор источников и исследований по тюркским пословицам	5
Определение паремии	8
Язык турецких пословиц. Морфологический и синтаксический анализ	11
Финитные формы глагола в турецких пословицах	11
Финитные формы глагола без семантического компонента «условие»	11
Финитные формы глагола с «условием»	15
Семантическое сопоставление некоторых глагольных форм индикатива и их отражение в турецких пословицах	17
Синтаксис турецких пословиц	23
Модальность в турецких пословицах	24
Способы выражения подлежащего и сказуемого в турецких пословицах	27
Порядок слов и актуальное членение в турецких пословицах	30
Использование особенностей литературной разговорной речи в турецких пословицах	37
Лексика турецких пословиц. Семантический и статистический анализ	45
Турецкая пословица как текст и в тексте	105
Турецкая пословица как объект изучения лингвистики текста	105
Текстовые средства в турецких пословицах	111
Турецкая пословица в тексте	121
Заключение	144
Библиография	147
Источники	147
Литература	149
Выборка турецких пословиц для выделения ключевых элементов, подтем и субподтем	154
Список турецких пословиц, представленных в работе	158

*Светлой памяти моих учителей
Эльвиры Александровны Груниной
и Юрия Владимировича Щеки*

Введение

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ТЮРКСКИМ ПОСЛОВИЦАМ

Объектом анализа в настоящей книге является современный фонд турецких пословиц. Однако представляется целесообразным предположить этому анализу краткий исторический обзор собирания и изучения турецких паремий¹. Особое место пословиц в турецком, и шире, в общетюркском культурном пространстве находит свое подтверждение в длительной и богатой истории письменной фиксации паремий. Некоторые пословицы присутствуют уже в древнетюркских надписях (около 8 в. н. э.). Махмуд Кашгарский, автор великого памятника средневековой филологии «Диван тюркских языков» (1073—74), включил в свой труд 290 тюркских пословиц, многие из которых в той или иной форме входят и в фонд современных турецких паремий. Важнейшим источником по истории тюркских пословиц является знаменитый огузский эпос «Книга деда Коркута». В историях, составляющих этот эпический свод, представлены многочисленные паремии, относящиеся к периоду 7—13 вв.

Отметим еще два ценных источника, содержащих богатый материал по истории тюркских паремий. Во-первых, это книга средневекового ученого Ахмеда бин Махмуда “Atebetü’ l-Накауик”, в которой зафиксированы многие пословицы, популярные и сегодня. Другим важным источником является трактат по медицине “Teshil”. Его появление датируется 1480 г. В приложении к трактату приводятся 698 пословиц, причем автор книги Мауляна Шемседдин не объясняет, каким образом был составлен этот корпус паремий и почему он оказался

---

¹ В данной работе термин «паремия» используется как синоним термина «пословица».

включенным в его трактат в качестве приложения. Рукопись трактата сейчас находится в библиотеке “Fatih” в Стамбуле, а корпус пословиц из этого трактата опубликован вместе с фотокопиями оригинала. Некоторые турецкие исследователи полагают, что корпус паремий из трактата “Teshil” старше, чем пословицы, зафиксированные в эпосе «Книга деда Коркута». Так, в пословицах из трактата “Teshil” не упоминаются турки-османы, тогда как в эпосе «Книга деда Коркута» о турках-османах говорится в самых возвышенных тонах. Вопрос о том, кто и когда составил этот сборник пословиц, остается открытым.

Необходимо отметить, что указанные выше собрания турецких пословиц относятся к числу наиболее ранних подобных опытов в мировой филологии. Таким образом, можно сделать парадоксальный вывод, что паремии, т. е. устный фольклорный жанр *par excellence*, имеют весьма длительную историю письменной фиксации в рамках тюркских, а затем турецких письменно-литературных традиций. Это особое внимание к жанру паремий сохраняется и развивается в новое время, а затем и в современную эпоху. Упомянем здесь собрания турецких пословиц Ахмета Вефика Паши (1852) [4], Шинаси (1863) [44], Эбюззии (1885) [18], а также книгу турецкого писателя и журналиста Ахмеда Мидхада Эфенди “*Durub-ı Emsal-i Türkiyye*” [3], опубликованную в Стамбуле в 1871 г. Эта книга была переведена на английский язык Е. Дж. Дэвисом и опубликована в 1897 г., причем турецкие филологи справедливо критикуют этот перевод за многочисленные серьезные ошибки и неточности. Этому изданию предшествовала опубликованная в 1844 г. в армянском монастыре Св. Лазаря близ Венеции небольшая книга [47], включавшая 180 турецких пословиц с переводами на английский и армянский языки. 250 турецких пословиц были включены в «Сборник пословиц со всего мира», вышедший в Лондоне в 1938 г. [37]. Также следует упомянуть фундаментальный труд «Турецко-английский словарь» (Стамбул, 1890) сэра Джеймса Редхауза [38]. Автор включил в свой словарь большое количество пословиц на османском турецком. «Турецко-английский словарь Редхауза» 1968 г. [39] и последующие издания содержат значительную часть материалов из первого выпуска.

Что касается сборников турецких пословиц, то за последние 50 лет в Турции их было опубликовано более 70. Безусловно, наибольшим авторитетом как среди специалистов, так и в широких кругах турецкой общественности пользуются сборники О. А. Аксоя, которые пере-

издавались с дополнениями в общей сложности одиннадцать раз (первое издание — в 1965 г. [5], последнее — в 2007 г. [6]). В последнем издании приводится 2667 пословиц с толкованиями их значений. Единственным недостатком данного сборника можно считать расположение пословиц только по алфавиту по первой букве первого слова в паремии. Эта проблема была преодолена в самом полном на сегодняшний день сборнике пословиц М. Юртбаши [56], насчитывающем 5274 пословицы, распределенные по 172 смысловым категориям (например, любовь, удача, женитьба, образование, мир, женщина, терпение, дом, страх и т. д.). Издание этого сборника с переводами турецких пословиц на английский [54], французский [55] и немецкий [57] языки делает доступным турецкий паремийный фонд неносителям турецкого языка. Что касается переводов турецких пословиц на русский язык, то к настоящему моменту были изданы два сборника: «Турецкие пословицы и их русские аналоги» А. А. Епифанова [58] (900 пословиц) и «Турецко-русский словарь пословиц» О. Ю. Мансуровой [59] (1111 пословиц). Также большое количество турецких паремий содержится в «Турецко-русском словаре» [61], вышедшем в 1977 г., и в «Русско-турецком словаре» [60], вышедшем в 1989 г.

Завершая обзор источников, необходимо упомянуть книгу Э. Сарачбаши и И. Миннетоглу «Словарь турецких пословиц с примерами и объяснениями» [41], интересную, прежде всего, тем, что помимо толкования значений приведенных в сборнике 858 пословиц составители приводят примеры их употребления из 210 различных произведений 185 авторов (1154 примера). Однако у данной книги есть два существенных недостатка: приведенные отрывки из литературы состоят всего из двух — трех предложений, что не дает возможности анализировать функции пословицы в тексте. Другая проблема — отсутствие указания авторства почти половины примеров. По некоторым данным, специально для данной книги их подготовил один из составителей И. Миннетоглу, т. е. они не являются цитатами из каких-либо текстов, что, безусловно, также не позволяет лингвистам оперировать этим материалом. Однако в настоящий момент благодаря развитию сети Интернет поиск примеров использования пословиц в текстах значительно облегчился (подробнее см. раздел «Турецкая пословица как текст и в тексте»).

Пословицы, будучи неотъемлемой частью культуры любого народа, постоянно являются объектом пристального внимания ученых.

Однако, несмотря на достигнутые успехи в области их литературоведческого анализа, а также логико-семантической классификации, количество работ, посвященных изучению пословиц с точки зрения лингвистики, остается недостаточным. Что же касается отечественной тюркологии, то при наличии определенного количества работ на материале азербайджанских, туркменских, казахских, узбекских паремий [81; 82; 125; 79], а также пословиц ряда других тюркских народов, необходимо констатировать практически полное отсутствие языковедческих исследований по турецким пословицам. В Турции же изучению паремий уделяется большое внимание. Среди многочисленных работ турецких ученых отметим наиболее интересные — статья И. Башгеца [63] об изменении формы одной конкретной турецкой пословицы на протяжении семи веков, статья Х. Таш [73] об употреблении диалектных слов в пословицах, распространенных в районе Эрзурума, работа А. Янара [77] о животном мире, запечатленном в турецких пословицах, статья Й. Торуна [74] о пословицах, используемых жителями деревни Докузтекне (район г.Адана); ряд исследований посвящено также изучению пословиц турок, проживающих за пределами Турции [68; 75]. Однако в работах турецких ученых пословицы не становились объектом всестороннего лингвистического анализа. Отдельные соображения по синтаксическому строю турецких паремий были высказаны Н. Муаллимоглу [70], а также О. А. Аксоем в предисловии к своему сборнику [6]. В предисловии к сборнику, составленному М. Юртбаши, С. Хегаард [69] обращал внимание на наличие рифмы и ритма в турецких пословицах, а также приводил примеры аллитерации.

Определение паремии

Филологи давно обратили внимание на чрезвычайную емкость и внутреннюю сложность паремий. Пословицы при всей своей видимой простоте представляют собой весьма непростые образования. С одной стороны, это явления языка; с другой — особые логические единицы (суждения или умозаключения); и с третьей — художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме отражающие факты живой действительности. Именно по этой причине пословичные изречения привлекают к себе внимание и языковедов, и философов-логиков, и фольклористов.

Пословиц существует великое множество. Они различаются по количеству слов, по грамматической полноте высказывания, по синтаксическим и коммуникативным типам предложений, по характеру актуального членения (т. е. по распределению логических акцентов) и ряду других признаков, а также по различному их сочетанию.

Единственное, что объединяет столь разнородные тексты в одну языковую категорию, — это известное постоянство их облика. Все они являются устойчивыми сочетаниями слов, т. е. представляют собой клише. Этот термин предложен еще в начале прошлого века французской лингвистикой. Клише в данном случае значит «готовые, воспроизводимые единицы языка» (более подробно о теории клише см. [114; 122]). Правда, устойчивыми, или клишированными, бывают не только пословицы и поговорки. Разного рода фразеологические обороты, составные термины, служебные сочетания, всевозможные газетные и разговорные штампы — все это тоже клише. Однако в отличие от пословиц эти клише — чисто языковые, тогда как пословицы — не только явления языка, но как уже отмечалось выше, более сложные образования.

Кроме клишированности, пословицы и поговорки обладают свойством афористичности, которое подразумевает способность высказывания восприниматься как имплицитно содержащее более широкую информацию, чем та, которая эксплицитно выражена непосредственно в его тексте. Эта способность опирается на сеть сложных ассоциативных отношений, выходящих за пределы лингвистического контекста. Так, например, для любого носителя турецкого языка совершенно очевидно, что смысл пословицы *Pamukçu ak köpekten hoşlanmaz* (Торговцу хлопок не нравятся белые собаки) отнюдь не сводится к констатации того частного факта, который в явном виде выражен в тексте. Еще пример. Если «развернуть» информацию, содержащуюся в пословице *Sanı kaymak isteyen mandayı yanında taşır* (Кому хочется сливок, тот водит с собой буйволицу), то получится приблизительно следующая цепочка высказываний, прямо не связанных с самим текстом данной паремии:

1. Пользоваться благами — приятно;
2. Прилагать усилия — неприятно;
3. Однако пользоваться благами, не прилагая усилий, — невозможно (или неэтично);

4. Поэтому, если «приятность» пользования благами более существенна, чем «неприятность» прилагать усилия, следует примириться с последней во имя достижения первой.

Таким образом, высказывание, рассматриваемое в плоскости языкового яруса и в плоскости яруса паремиологического, оказывается носителем совершенно разных функциональных нагрузок. В первом случае оно представляет собой знак некоторой индивидуальной ситуации, во втором же случае оно функционирует как знак класса ситуаций, с которыми данная частная ситуация связана лишь по ассоциации.

Пословицам свойственна также сентенциозность (нравоучительность), которая состоит в том, что всякая паремия содержит, кроме «фактической», также и оценочно-этическую информацию.

Но указанные выше свойства отнюдь не являются исключительной принадлежностью паремий. Каждое из этих свойств в отдельности и в любых сочетаниях с другими свойствами присуще очень широкому кругу текстов. Специфика паремий, таким образом, заключается в том, что они суть минимальные тексты, обладающие всем комплексом указанных свойств, в том, что они специализированы в качестве носителей этих свойств, а главное — в тех особенностях семиотической природы паремий, которые вытекают из этих свойств. Указанные особенности проявляются в характере информативности, семиотической структуры и семантической мотивации паремий.

Материалом для нашего исследования послужил фонд турецких пословиц, зафиксированный в изданных в Турции сборниках пословиц и используемый в различных текстах как художественной литературы, так и СМИ. Таким образом, базу данных настоящего анализа составляет насчитывающий около 6.000 единиц корпус турецких паремий, рассматриваемых не только как формальные языковые структуры, но и как составляющие текста.

ЯЗЫК ТУРЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ, МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Финитные формы глагола в турецких пословицах

Если открыть любой сборник турецких пословиц, то первое, что бросается в глаза — это преимущественное использование глаголов в форме настоящего-будущего времени на -( )г и практически полное отсутствие глаголов в других временах. Постараемся понять причины этого явления.

В качестве контрастного фона были выбраны результаты исследований славянских пословиц, так как, во-первых, в отечественной науке проведен подробный анализ финитных форм славянских паремий, а, во-вторых, такое сравнение может быть полезным для более точного понимания турецких пословиц носителями русского языка.

Т. М. Николаева [111] считает, что существенно различие глагольных финитных форм в пословицах, включающих компонент «условие», и пословицах без него. В данной работе также используется эта классификация.

Финитные формы глагола без семантического компонента «условие»

1. Наиболее характерной формой глагольного сказуемого как в славянских, так и в турецких пословицах является форма 3-го лица единственного и множественного числа; время — настоящее неактуальное в славянских пословицах, на -( )г — в турецких пословицах. В семантику глагольной фазы входит показатель ‘обычно’, ‘вообще’.

Примеры:

Дыма без огня не бывает (русск.);

Одна ластівка не робить весни (укр.);

Назад толькі ракі лазяць (бел.);

Всека циганка своите времена хвали (болг.);

Sözün doğrusunu çocuk söyler (Правду говорит ребенок).

Дискуссии о настоящем времени обычно связывают его функционирование с моментом речи, с “беспризнаковым” его существованием, с действительностью ситуации как ранее, так и в настоящий момент. Функции настоящего времени принято обсуждать с опорой на говорящего и его включенность в происходящее событие — сейчас или в обозримый промежуток, соотносимый с сиюминутностью. В пословичных речениях говорящего в принятом смысле усматривать нельзя. А. В. Бондарко [89, с. 22], приводя пословичный пример ‘Рыбак рыбака видит издалека’, говорит, что «настоящее время, в котором представлена «вневременная ситуация», не имеет актуальной соотнесенности с моментом речи. К этому моменту относится лишь presupпозиция: я сообщаю эту истину сейчас, следовательно, в момент речи считаю действительным, имеющим актуальную значимость тот смысл, который заключается в известной пословице». Поскольку эта пословица обычно применяется в указанной форме к актуальным ситуациям, можно считать, что ‘видит’ в контексте — это настоящее актуальное, синонимичное: ‘Они понимают друг друга’. Но на контекстное значение ‘видит’ накладывается и семантика ‘видит’ из изолированного существования пословицы — ‘Рыбак рыбака видит издалека’ — всегда, всякий, т. е. это уже настоящее повторяющейся ситуации. Таким образом, настоящее пословичное — это наложение двух временных статусов: актуальной ситуации и повторяющейся, которое и включает пословицу непосредственно в экстралингвистическую реальность.

Все вышесказанное верно и для времени на -( )г, которое так широко используется в турецких пословицах. Хотя согласно грамматике турецкого языка настоящее-будущее время не имеет временного статуса актуальной ситуации,² в реальном употреблении время на -( )г

² В определенных условиях возможно использование настоящего-будущего времени в его первоначальном, имевшем место в средние века значении актуального действия (более подробно см. [93, с. 151]). Среди пословиц нам

никогда не будет заменено в пословице на время на -yor, которое обладает этим временным статусом. Ср., например, следующий диалог:

— Bizim evde yiyecek hiç bir şey kalmadı.

— Evet, kuru kaşık ağız yırtar.

(— У нас дома совсем нечего есть.

— Да, сухая ложка рот дерет).

Что же касается второго временного статуса — повторяющейся ситуации, то это значение свойственно самой форме на -( )r. Как отмечает А. Н. Кононов [101, с. 228], «это время обозначает действие, выражающее постоянное свойство подлежащего, обычно присущее ему, регулярно с ним совершающееся». Таким образом, время на -( )r в турецких пословицах можно назвать настоящим пословичным.

Столь же двойственной представляется в паремиях с 3-им лицом множественного числа настоящего пословичного категория персональности. Неслучайно ‘Цыплят по осени считают’ одни исследователи трактуют как обобщенно-личные, другие — как неопределенно-личные, третьи — как неопределенно-обобщающие структуры. А. В. Бондарко [88, с. 66] видит знаковую функцию отсутствия субъекта в таких предложениях «в выражении идеи несущественности субъекта действия и тем самым существенности проявления самого действия — акцентировки действия, а не «неопределенности лица». Однако можно считать, что существенное различие в статус глагола вносит его число. Ср., например, следующий диалог:

— Ahmet bana borç olarak para vermek istemiyor.

— Tabii, iki ay önce aldığın 10 lirayı ona geri vermedin ki. Adam adamı bir kere aldatır.

(— Ахмет не хочет давать мне денег займа.

— Конечно, ты же не отдал ему десять лир, которые ты взял у него два месяца назад. Человек человека обманывает один раз).

удалось найти несколько примеров, в которых общий смысл пословицы передается в форме как бы «актуального» действия:

Göle su gelinceye kadar kurbağanın gözü patlar (Пока вода дойдет до озера, у лягушки глаза лопнут);

İş anlatılıncaya kadar baş elden gider (Пока будут [очень долго] объяснять суть дела, необходимость в этом уже отпадет).

Здесь актанты пословицы приравниваются к актантам сопоставляемой ситуации, и потому настоящее пословичного глагола приобретает дополнительный статус актуальности. Но нет ситуации, аналогичной *Atlar nallanırken kurbağalar ayak uzatırlar* (Куют коней, а лягушки лапы протягивают). Поэтому время на -( )г здесь — это время повторяющейся ситуации без статуса актуальности.

2. Второй распространенной глагольной формой в пословицах является императив в форме единственного числа.

Примеры:

На чужой каравай рот не разевай (русск.);

Не роззявляй рота, бо сорока влетить (укр.);

Бойся не таго сабакі, што бреша, а таго, што лашчыцца (бел.);

Госта гошавай, врага прощавай (болг.);

Hekimsiz, hakimsiz memlekette oturma (Не живи в той стране, где нет ни врача, ни судьи).

Академическая грамматика русского языка [123, с.624] специально выделяет «формы 2-го лица единственного числа в повелительном наклонении, употребленные в обобщенно-личном значении: например, в пословицах: Хлеб-соль ешь, а правду режь». Авторы считают особенностью таких императивных конструкций «отрыв действия от его непосредственного производителя и возможность адресовать повеление любому лицу», это определяет широкое употребление форм 2-го лица единственного числа повелительного наклонения в целом ряде значений, далеких от собственно побуждения. «С побуждением их объединяет лишь значение ирреальности (возможности, желательности) действия» (подробнее об императиве в русском языке см. [131]).

И все же среди употреблений побуждения как категории мы находим одно из значений, соответствующих именно пословичным формам. Это: «побуждение в соединении со значением долженствования» [123, с. 624].

Все вышесказанное можно отнести и к турецким пословицам. В пословице *Çocuktan al haberi* (Спрашивай у ребенка) присутствует как «возможность адресовать повеление любому лицу», так и «побуждение в соединении со значением долженствования». При этом необходимо отметить, что в турецких пословицах это относится как к паремиям с глаголом в форме императива 2-го лица единственного числа, так и 3-го лица единственного числа.

Интересно отметить существование двух вариантов одной и той же пословицы, в одном из которых в глаголе используется императив, в другой — долженствовательное наклонение:

Görünüşe aldanma (Не соблазняйся [только] внешним видом) — Görünüşe aldanmamalı (Не нужно соблазняться [только] внешним видом);

Su akarken testiği doldur (Наполняй сосуд, когда течет вода) — Su akarken testiği doldurmalı (Сосуд надо наполнять, когда течет вода).

Еще одним подтверждением того, что носители турецкого языка в некоторых пословицах воспринимают императив в качестве долженствовательного наклонения, может служить и тот факт, что в толкованиях многих пословиц с императивом, которые турецкие составители сборников пословиц дают в своих книгах, используется долженствовательное наклонение. Например, О. А. Аксой [6, с. 343] так объясняет пословицу *Kan kus, "kızılıcık şerbeti içtim"* de (Даже если тебя тошнит кровью, скажи: «Я выпил кизилковый шербет»): «*Kişisel derterimizi içimizde saklamalı, başkalarının öğrenmesine meydan vermemeliyiz. Dahası, kötü olan durumumuzu iyi gibi göstermeye çalışmalıyız*» (Свои внутренние проблемы мы должны держать в тайне. Даже более — свое плохое положение мы должны показывать как хорошее). Пословица *Aç ile dost olayım diyen peşin karnını doyursun* (Тот, кто хочет дружить с голодным, пусть заранее насытится) дается следующее толкование [6, с. 112]: «*İlişki kuracağımız kimsenin sağlaması olanağı bulunmayan şeyi, ona güvenmeden, kendimiz sağlamalıyız*» (При желании наладить отношения с человеком, у которого нет того, что нам необходимо, мы должны сами, не полагаясь на него, себя этим обеспечить).

Финитные формы глагола с «условием»

Пословица, обращенная практически к каждому во всех случаях и во все времена, все же не игнорирует возможности быть советчиком при некотором ограниченном числе ситуаций, т. е. при ситуациях потенциальных. Очевидно, что условность понимается нами широко, т. е. имеется в виду реализация некоторой ситуации только в качестве функции от переменной — другой ситуации. Таким образом, вводится показатель в том случае, когда имеет место ситуация *x*. При этом

подходе в группу высказываний в значении условия попадают и сложные предложения со значением причинности, уступительности, тождества, собственно условия и т. д. Именно такое расширенное понимание условных высказываний представлено и в академической грамматике русского языка [124, с. 562], где все подобные высказывания именуются обусловленными. «В предложениях со значением обусловленности соотнесены две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой. Такие предложения выражают условные, причинные, уступительные отношения, а также отношения цели и следствия (<...> Обусловленность, или каузальность, т. е. причинность в широком смысле слова, объединяет в себе такие значения как предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка. Весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой». В таких структурах реализуются различные формы финитных глаголов, например:

3-е лицо единственного и множественного числа настоящего-будущего времени —

Kel ölü r sırma saçlı olur, kör ölü r badem gözü olur (Лысый умрет, [будут говорить, что] у него были золотистые волосы, слепой умрет, [будут говорить, что] у него были миндалевидные глаза);

Kanı kanla yumazlar, kanı su ile uyarlar (Кровь отмывают не кровью, кровь отмывают водой);

2-е и 3-е лицо единственного числа повелительного наклонения —

Çalma elin kapısını, çalarlar kapını (Не стучись в чужую дверь, постучат и в твою);

Balım olsun, sinek Bağdat'tan gelir (Пусть у меня будет мед, а муха и из Багдада прилетит);

3-е лицо единственного числа прошедшего категорического времени —

Akşam oldu kon, sabah oldu göç (Наступил вечер — ложись [спать], наступило утро — отправляйся в путь) и т. д.

Таким образом, разнообразие финитных форм как бы создает разнообразие возможных миров, в которые может привести обусловленная ситуация. «Условные» пословичные речения в основном повернуты к адресату не сообщаемым, а дополнительной ситуацией, потенци-

альной или нереализованной, которая, тем не менее, обеспечивает их прочную связь с языковым контекстом.

Семантическое сопоставление некоторых глагольных форм индикатива и их отражение в турецких пословицах

Данное исследование не могло бы считаться объективным, если пытаться объяснить употребление в пословицах того или иного времени без учета их соотношения друг с другом. Для создания полной картины необходимо провести сопоставление времени на -( )г и времени на -mıŝ, которое стоит на втором месте по частотности употребления в турецких паремиях, хотя в процентном соотношении его удельный вес и невелик, с временем на -уог и временем на -dİ соответственно, которые практически не встречаются в турецких паремиях.

Углубляя трактовку времени на -( )г, которая была приведена выше, обратимся к мнению Э. А. Груниной [94, с. 87], которая отмечает, что в противопоставлениях форм внутри парадигмы индикатива пары -уог и -( )г в сфере настоящего, а также -dİ и -mıŝ в сфере прошедшего не получают адекватной интерпретации в темпоральных признаках. Внутри каждой пары имеет место противопоставление по признаку акциональности. Это свойство состоит в способности актуализировать действие как таковое, в его реальном процессе, или снимать такое, актуализировать не действие/состояние, а его субъект, используя характеризующие возможности глагольного признака (подробно об акциональности в тюркских языках см. [110]).

В паре -уог : -( )г первая выступает акционально насыщенной, вторая акционально опустошенной. Форма -( )г имеет такие функции: а) не сигнализирует о факте прошлого, б) выражает характеристику субъекта через действие/состояние, в) указывает на способность субъекта к осуществлению действия/состояния. Если для времени на -уог возможна реализация подлежащего в форме существительного как с сигнификативной, так и денотативной направленностью значения, то для времени на -( )г наблюдается практически лишь сигнификативная направленность значения существительного, выступающего в функции подлежащего. Например, во фразе *Bu kartal sinek avlamaz* (Этот орел не может охотиться на мух), не являющейся пословицей, подлежащее *kartal* (орел) имеет референта, а в пословице *Kartal sinek*

avlamak (Орел на мух не охотится), подлежащее *kartal* (орел) имеет сигнификативное значение. Приведем еще несколько примеров:

Kör kuşun yuvasını Allah uyarar (Слепой птице Аллах вьет гнездо);

Derviş dervîşi tekkede bulur (Дервиш находит [другого] дервиша в текке);

Ağaç kökünden yıkılır (Дерево гниет с корня);

Gözü tanede olan kuşun ayağı tuzaktan kurtulmaz (Птице, пытающейся найти зернышко, ловушки не миновать);

Dağ dağa kavuşmaz, insan insana kavuşur (Гора с горой не сойдется, а человек с человеком сходятся);

Balık ağa girdikten sonra akli başına gelir (После того, как рыба попадает в сеть, она начинает соображать);

Karga kendini kuş bilir (И ворона мнит себя птицею);

Ağacı kurt, insanı dert yer (Дерево подтачивает червяк, а человека — проблемы).

Переходя к паре *-dı* : *-miş*, необходимо отметить, что инвариантное значение формы *-miş* не связано с действием как таковым. Оно трансформируется в качество, характеристику субъекта, в материальный результат. С точки зрения морфологии можно говорить об обособлении надкатегории наклонения / модальности пересказывательности. Функция *-miş* как модальности пересказывательности и содержит, прежде всего, указание на вторичный источник сведений о действии, но не действие как таковое. На первый взгляд довольно странно, что в пословицах иногда используется именно эта временная форма (здесь необходимо отметить, что время на *-( )ğ*, с которым сопоставляется время на *-miş*, не имеет значения чужесловности). В самом деле, в пословице *Sabreden dervîş muradına ermiş* (Терпеливый дервиш добился желаемого) могло бы быть употреблено время на *-( )ğ*: *Sabreden dervîş muradına erer* (Терпеливый дервиш добывается желаемого). Представляется вероятным, что в данном конкретном случае выбор пал именно на эту форму по стилистическим соображениям, с целью создания рифмы.

Однако нельзя объяснить употребление этой формы в той или иной паремии исключительно стилистическими задачами. Обратимся к определению времени на *-miş*, которое дал А. Н. Кононов [101, с. 232]: «Это время обозначает действие, имевшее место в прошлом; однако это действие не приурочивается к какому-нибудь определенному моменту в прошлом и не имеет отношения к законченности или незакончен-